

А. Г. Тикувенко

ПРИНЦИП КОНСТИТУЦИОННОСТИ В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ И ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

В теории и практике конституционного контроля, конституциях зарубежных стран (Египта, Японии), в законах, Кодексе Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, Декрете Главы государства от 26 июня 2008 г. № 14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь» используется такая фундаментальная категория, как «конституционность». В статье 7 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» понятие «конституционность» выступает в качестве одного из основных принципов нормотворческой деятельности. К тому же, по мнению Т. М. Пряхиной, конституционность является и принципом системной организации положений Основного Закона [1, с. 16]. Она имеет весьма широкую конституционную основу и выступает прежде всего в качестве основного принципа конституционного контроля и правового государства.

Анализ конституций, законов о конституционных судах зарубежных стран позволяет сделать вывод о том, что в них понятие «конституционность» специально не раскрывается, а понимается как соответствие законов и иных правовых актов Конституции (например, ст. 150 Конституции Украины). Однако в отдельных законах, например согласно ст. 3 Закона Эстонской Республики «О судопроизводстве в порядке конституционного надзора» от 5 мая 1999 г., «Государственный суд признает полностью либо частично недействительным любой закон или иной правовой акт, если он противоречит букве и духу Конституции» [2, с. 777]. Как известно, понятие «дух конституции» позволяет суду конституционного надзора определять критерии конституционности закона достаточно широко и свободно.

Важное значение для уяснения понятия «конституционность» имеет присяга (клятва) судьи, содержащаяся в законах о конституционных судах отдельных государств. Судьи конституционных судов Молдовы и Узбекистана клянутся честно и добросовестно исполнять обязанности судьи и защищать конституционный строй (ст. 12 и 13 соответствующих законов). В Литве и Украине присяга судьи консти-

туционного суда включает, наряду с вышеуказанными аналогичными обязанностями, охрану (обеспечение) верховенства конституции (ст. 7 и 17 соответствующих законов). Судьи Конституционного Суда Азербайджана клянутся с честью и достоинством осуществлять свои полномочия, защищать Конституцию, решать рассматриваемые вопросы на основе права и справедливости (ст. 8 Закона).

Согласно ч. 1 ст. 116 Конституции «контроль за конституционностью нормативных актов в государстве осуществляется Конституционным Судом Республики Беларусь». Части 4 и 6 ст. 116 Конституции раскрывают понятие «конституционность», сводят его к соответствию всех нормативных правовых актов государства Конституции. Важно отметить, что в ст. 125 Конституции России, посвященной полномочиям Конституционного Суда, употребляются понятия «соответствие конституции» и «конституционность», используемые применительно к нарушению конституционных прав и свобод граждан при рассмотрении конкретных дел в судах [3]. В конституционном законе о модернизации институтов Пятой республики от 23 июля 2008 г., расширившим компетенцию Конституционного Совета Франции, в частности наделившим его правом осуществлять последующий конкретный конституционный контроль, конституционность понимается как соответствие закона правам и свободам, гарантируемым Конституцией [4].

В Кодексе Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей понятие «конституционность» наполняется более широким содержанием. Так, согласно ч. 1 ст. 5 и ч. 1 ст. 6 указанного Кодекса Конституционный Суд как орган судебного контроля за конституционностью нормативных правовых актов в государстве, осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства, призван обеспечивать верховенство Конституции и ее непосредственное действие на территории Беларуси, соответствие нормативных правовых актов государственных органов Конституции Республики Беларусь, утверждение законности в нормотворчестве и правоприменении. Судья Конституционного Суда Республики Беларусь, принося присягу в соответствии с ч. 4 ст. 93 указанного Кодекса, берет на себя обязательство честно, добросовестно и беспристрастно защищать конституционный строй и верховенство Конституции.

Часть 7 ст. 24 данного Кодекса устанавливает исчерпывающий перечень критериев конституционности нормативного правового акта: соответствие его Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и ука-

зам Президента Республики Беларусь с точки зрения содержания, формы, разграничения компетенции между государственными органами и порядка принятия, подписания, опубликования и введения в действие. Аналогичные критерии конституционности нормативного правового акта содержал Закон о Конституционном Суде Республики Беларусь (ч. 2 ст. 11). Правила подготовки проектов нормативных правовых актов, утвержденные Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359, содержат в п. 121 следующие критерии соответствия проекта акта Конституции: отражение в нем конституционных принципов; связь содержания проекта акта и норм Конституции; принятие (издание) акта правомочным нормотворческим органом (должностным лицом); учет места проекта акта в системе актов законодательства Республики Беларусь и требований к его форме; соблюдение установленной Конституцией процедуры подготовки, принятия (издания) и вступления в силу акта; правильное применение терминов, содержащихся в Конституции [5].

Как свидетельствует анализ норм законов, понимание принципа конституционности, его содержания и сущности непосредственно связано с верховенством Конституции в правотворческой и правоприменительной деятельности, прямым действием ее принципов и норм. Следует подчеркнуть, что для принципа конституционности основополагающее значение имеют такие конституционные принципы, как: верховенства права, Конституции (ст. 7 и 137), разделения властей (ст. 6), приоритет прав и свобод граждан и их непосредственное действие (ст. 2 и 21), приоритет общепризнанных принципов международного права (ст. 8), запрет обратной силы нормативных актов (ст. 104) и др.

С верховенством права тесно связан принцип правовой определенности. В Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2008 году Конституционный Суд отметил, что законотворческая деятельность должна основываться на принципе правовой определенности, который предполагает ясность, точность, непротиворечивость, логическую согласованность правовых норм. Соблюдение данного принципа упреждает неоднозначное понимание и, следовательно, неправомерное применение юридических норм, влекущее нарушение прав и законных интересов граждан.

В правовом государстве принцип правовой определенности приобретает универсальный характер, особую значимость в сфере применения уголовного, административного, дисциплинарного законода-

тельства, при регулировании налоговых отношений, выступает важным условием развития экономической деятельности. Он имеет давнюю историческую традицию. В частности, уже во второй половине IV в. н. э. римское общество осознало необходимость преодоления крайней неопределенности правовых норм, что явилось главной причиной систематизации права, проводимой императорами Феодосием II, Юстинианом I и Львом VI [6, с. 17–27].

Ныне состояние и соблюдение принципа правовой определенности в законодательстве вызывает озабоченность, является актуальным в европейских странах, о чем, кстати говоря, свидетельствуют труды ученых и практика Европейского Суда по правам человека, других конституционных судов (например, Испании, Португалии, России), определяющая его в качестве критерия конституционности нормативных правовых актов. Например, по мнению Конституционного Суда Испании, принцип правовой определенности «представляет собой такую «сумму достоверности и законности, иерархичности и публичности норм, запрета на обратную силу неблагоприятной нормы и произвол», которая «позволяет развивать справедливость в рамках правопорядка и равенство при сохранении свободы» [цит. по: 7].

Признавать правовую норму неконституционной по причине ее неопределенности или неясности целесообразно прежде всего в тех случаях, когда она в процессе применения ограничивает права и свободы граждан или ухудшает каким-либо образом их правовое положение. Президент Республики Беларусь как гарант Конституции, прав и свобод человека и гражданина в Директиве № 2 «О мерах по дальнейшей де бюрократизации государственного аппарата», изданной 27 декабря 2006 г., установил, что в случае неясности или нечеткости предписаний правового акта решения должны приниматься государственными органами, их должностными лицами исходя из максимального учета интересов граждан (пп. 1.2 п. 1). Данное положение закреплено в качестве одного из основных принципов осуществления административных процедур в ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур».

Ряд положений Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» выступает в качестве основы данного принципа (например, ст. 10 и 71). Соблюдение принципа правовой определенности очень важно при установлении юридической ответственности, регулировании общественных отношений в сфере труда, в области прав и свобод граждан. Так, например, в решении от 5 марта 2009 г. Консти-

туционный Суд в целях реализации принципа правовой определенности при выплате минимальной компенсации за ухудшение правового положения работника или выходного пособия в случае расторжения контракта из-за невыполнения или ненадлежащего выполнения его условий по вине нанимателя признал необходимым внесение изменений и дополнений в ч. 3 ст. 41 и ч. 3 ст. 48 Трудового кодекса Республики Беларусь, регулирующих выплату выходного пособия в размере двухнедельного среднего заработка. Такое решение Конституционного Суда призвано внести определенность в возникающие на практике вопросы выплаты выходного пособия и минимальной компенсации за ухудшение правового положения работника в размере трех среднемесячных заработных плат при досрочном расторжении контракта из-за невыполнения или ненадлежащего выполнения его условий по вине нанимателя, предусмотренном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 августа 1999 г. № 1180.

Представляется, что на современном этапе принцип правовой определенности должен включать не только формальный (грамматический) аспект, направленный на четкость, ясность, точность, логичность правовых норм, но и временной (темпоральный), предполагающий долгосрочную, предсказуемую перспективу действия правового акта, его разумную стабильность, что способствует формированию доверия к государству и его органам. Вместе с тем ст. 38 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» устанавливает минимальный срок стабильности правового акта – 1 год, допуская при этом его изменение в исключительных случаях на основании требований нормативного правового акта большей юридической силы, если иное не предусмотрено законами или решениями Президента Республики Беларусь. Как известно, на практике нестабильность нормативных правовых актов стала приметой нашего времени. Конституционный Суд в своих ежегодных посланиях о состоянии конституционной законности в республике отмечает нестабильность законодательства в качестве одной из его отрицательных черт. Согласно п. 16 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205, стабильность законодательства может быть обеспечена последовательной реализацией принципа научности нормотворческой деятельности, что включает апробацию результатов научных исследований в практической деятельности по подготовке и принятию нормативных правовых актов; прогнозирование экономи-

ческих, финансовых, социальных, экологических и иных последствий принятия нормативных правовых актов; системный подход к решению правовых задач. Не вдаваясь в анализ стабильности норм отдельных отраслей законодательства и ее повышения законодательным путем, целесообразно отметить следующее. Законодательное установление минимального времени действия нормативного правового акта – один год не является оптимальным. Известно, что, например, конституционное право отличается стабильностью, к тому же нерушимость, незыблемость определенных конституционных положений и норм выступает в качестве принципа в конституционном строительстве зарубежных стран.

Важно в ст. 38 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» повысить минимальный срок стабильности нормативных правовых актов, регулирующих хозяйственные отношения, и четко определить исчерпывающий перечень исключительных случаев его изменения, что будет способствовать развитию хозяйственной деятельности.

Принцип правовой определенности также предполагает минимальное количество отсылочных норм в нормативных правовых актах. Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь выделяет в числе отрицательных тенденций законодательства большое количество отсылочных норм (п. 9). К сожалению, на практике в отдельных законах их число равняется или превышает количество статей закона.

Для целей нашего исследования представляет интерес понятие «конституционный строй», которое является центральным в белорусском конституционализме. Оно употребляется в Конституции Республики Беларусь (в частности, ее первый раздел называется «Основы конституционного строя») и других законодательных актах. Например, понятие «стабильность конституционного строя» выступает в качестве одного из принципов внутренней политики Республики Беларусь, закрепленных в Законе «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [8]. Однако до настоящего времени в законодательстве не выработано определение данного понятия. Нет единого мнения о нем и в науке конституционного права, поскольку оно начало применяться относительно недавно. Доктрина социалистического конституционализма оперировала такими понятиями, как «общественный строй», «обще-

ственное устройство». Понятие «конституционный строй» имеет не только правовой, но и в значительной степени политический, философский смысл, что лишает его четкости, ясности и позволяет достаточно свободно толковать.

Для Конституционного Суда Российской Федерации, по мнению Н. В. Витрука, «формула о защите конституционного строя на практике оказалась коварной. Ее содержание большинством членов Конституционного Суда было интерпретировано весьма широко: Конституционный Суд начал действовать, по существу, вне рамок своей компетенции...» [9, с. 87–88]. Поэтому в ныне действующей Конституции Российской Федерации отсутствует характеристика Конституционного Суда как высшего судебного органа по защите конституционного строя, а в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации», содержащем в ст. 10 текст присяги судьи [10], нет уже обязательства защищать конституционный строй, которое возлагалось присягой на судей раньше в ст. 13 аналогичного Закона, утратившего силу. Однако осуществление на практике конституционного контроля направлено на защиту «основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции [11, с. 10].

О. Е. Кутафин также считает, что «конституционное правосудие обеспечивает защиту конституционного строя», который он рассматривает как «форму (или способ) организации государства, которая обеспечивает подчинение его праву и характеризует его как конституционное государство» [12, с. 186, 542]. По мнению И. И. Пляхимовича, «конституционный строй – это закрепленные в конституции публичные отношения» [13, с. 85].

Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, следует отметить, что конституционный строй составляют такие базовые ценности, как права и свободы человека и гражданина, народ и народовластие, гражданское общество и суверенное демократическое правовое государство. Следовательно, непосредственной задачей Конституционного Суда, а не только обязанностью судей, должна быть защита конституционного строя, что вызывает необходимость внесения дополнений в ч. 1 ст. 6 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей.

В теории конституционного права понятию «конституционность» уделяется еще недостаточно внимания. К тому же в среде ученых,

исследователей конституционного права нет общего мнения по вопросу его содержания. По мнению профессора Мюнхенского университета Т. Маунца, «конституционность законодательства является характерным элементом конституционного мышления правового государства, внутренне присущим ему; она представляет собой особое выражение иерархического построения правопорядка. В конституционном праве ФРГ она категорически установлена в разделе 3 ст. 20 Основного Закона, которая связывает законодательство конституционным строем, то есть конституцией или основами строя в материальном смысле» [14, с. 447]. Профессор Г. А. Василевич рассматривает конституционность в качестве интегрирующего понятия, объединяющего «...в своем содержании такие основные ценности, как верховенство права, приоритет прав и свобод человека, народовластие, разделение властей, политический плюрализм, свобода экономической деятельности». «Говоря о конституционности, – утверждает он, – мы имеем в виду соответствие фактических конституционных отношений юридическому тексту демократической конституции» [15, с. 50]. Заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь А. В. Марышкин, исследуя понятие «конституционная законность», приходит к выводу, что в более широком плане она может рассматриваться «...как реальное состояние конституционности в Республике Беларусь. В этом отношении понятия конституционной законности и конституционности могут совпадать» [16, с. 67]. В другой работе понятия «конституционность» и «конституционная законность» Г. А. Василевич также рассматривает как синонимы [17, с. 12]. Т. М. Пряхина отмечает, что «конституционность, законность и конституционная законность – это различные, однако взаимодополняющие понятия, которые в своем единстве обеспечивают надлежащий правовой порядок в государстве» [18, с. 48].

Следует отметить, что ст. 205 Конституции Социалистической Федеративной Республики Югославии возлагала на конституционные суды функцию защиты конституционности и законности, различала понятия «конституционность» и «законность», в частности глава IV в ней называлась «Конституционность и законность» [19]. Представители социалистического конституционализма рассматривали эти понятия как явление однопорядковое, однако находящиеся на разных иерархических уровнях, причем конституционность – на высшем уровне [20, с. 7].

В отношении понятия конституционной законности следует согласиться с Г. А. Василевичем и А. В. Марыскиным, учитывая определение конституционной законности, содержащееся в Послании Конституционного Суда о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2005 году. В нем Конституционный Суд отметил, что конституционная законность – такое состояние общественных отношений, при котором право как важнейший социальный регулятор содействует достижению целей и задач, закрепленных в Конституции. Вместе с тем в специальной юридической литературе определения конституционной законности носят более узкую направленность, в частности, выражая ее как фундаментальный общеправовой принцип или как режим неукоснительного соблюдения конституции и иных конституционных актов. Однако, по мнению Т. Я. Хабриевой, конституционная законность в условиях XXI в. имеет социально-экономические, политические, духовно-психологические и юридические аспекты [11, с. 5].

В России понятию «конституционность» уделяют внимание Н. В. Витрук, Г. А. Гаджиев, И. А. Кравец, О. Е. Кутафин, Ю. А. Тихомиров и другие известные ученые. Например, профессор Н. В. Витрук рассматривает конституционность как правовой режим организации и функционирования демократического правового государства и как систему реально действующего права, обеспечивающую наличие правовой конституции, ее верховенство, прямое действие и охрану, выделяя ряд качественных признаков конституционности, непосредственно связанных с конституцией [21, с. 58–70]. С. А. Мосин, рассматривая конституционность в качестве основополагающего положения конституционного права, определяет его как обязанность органов строго следовать Конституции во время всех стадий процесса принятия нормативных правовых актов во благо человека и гражданина, которые действуют в конституционных рамках, укрепляют стабильность правовой системы, направлены на совершенствование правового регулирования и отвечают требованиям конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства [22, с. 61–64]. Кстати сказать, Конституционный Суд в Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2006 году отмечал, что «предсказуемость и разумная стабильность нормативного регулирования – неотъемлемое условие повышения доверия граждан к государству». В. А. Четвернин, исследуя в работе «Демократическое конституционное государство: введение в

теорию» вопросы конституционности государственности и законов, отмечает, что «конституционность государства – это прежде всего его связанность правом», ее высшим хранителем является конституционный суд, который контролирует соблюдение конституции, выступает как интерпретатор наиболее фундаментальных прав [23, с. 126, 129]. По мнению А. А. Малюшина, конституционность – это качественно-правовая характеристика законодательных и других правовых актов, выражающих соответствие Конституции во всем ее содержании и значении как целостного и единого правового явления [24, с. 6]. Г. Т. Чернобель считает, что конституционность правового акта – это его соответствие действующей Конституции, иным законодательным актам конституционной значимости, общепризнанным принципам и нормам международного права, а также сложившимся конституционным обычаям, традициям [25, с. 39].

В части 7 ст. 24 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей содержится чисто позитивистское понятие конституционности. Однако системное толкование принципов и норм Конституции выводит нас на более широкое понимание конституционности, на определение его генетических связей с доктриной конституционализма, включающей идеи верховенства права, приоритета прав и свобод человека и гарантий их реализации, разделения властей и народовластия. В этих условиях критерии конституционности нормативного правового акта расширяются. Например, сегодня существуют два официальных определения понятия права. Одно содержится в ст. 1 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», определяющей право как систему общеобязательных правил поведения, устанавливаемых (санкционируемых) и обеспечиваемых государством в целях регулирования общественных отношений. Другое определение права дал Конституционный Суд в своем Заключении от 25 марта 1999 г. при толковании конституционного принципа верховенства права, которое, по его мнению, представляет собой «...нормативно закрепленную справедливость, что означает, прежде всего, признание верховенства прав и свобод человека в качестве главного ценностного ориентира как в правотворческой, так и правоприменительной практике...». В Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2006 году Конституционный Суд отметил, что «сила белорусского государства – в справедливости».

Вышеуказанные определения права отличаются своими подходами к его пониманию, что соответственно ориентирует и на разное понимание конституционности. Кстати сказать, Т. М. Пряхина выделяет три уровня конституционности: естественно-правовой, позитивистский и исторический [18, с. 45].

Уровень современной жизни, использование техники, новых технологий в различных сферах жизнедеятельности общества и государства представляют непосредственную опасность для достоинства человека. Согласно ст. 25 Конституции государство обеспечивает достоинство личности, что является одной из гарантий защиты человека как высшей ценности. Данное конституционное положение свидетельствует о том, что государство, все его органы берут на себя обязательства уважать и защищать достоинство личности, служить человеку. В этом случае, если положения нормативного правового акта ставят под сомнение достоинство человека, его ценность как личности, то их следует считать неконституционными. Кстати говоря, анализ практики конституционного контроля показывает, что конституционные суды других стран рассматривают достоинство человека в качестве критерия конституционности правовых норм [26].

С учетом вышеизложенного понятие конституционности, а равно и ее критерии должны получить дальнейшее осмысление и более конкретное юридическое закрепление. В частности, целесообразно дополнить ч. 7 ст. 24 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей такими критериями конституционности, как соответствие нормативного правового акта, его норм принципу правовой определенности, конституционным идеям и принципам, конституционным понятиям и терминам, а также конституционной доктрине, формируемой Конституционным Судом в своих решениях и ежегодных посланиях о состоянии конституционной законности в республике. В частности, Конституционный Суд в Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2004 году определил основное доктринальное условие укрепления конституционной законности – «формирование такого правового порядка функционирования демократического социального правового государства, в котором реально обеспечиваются конституционные права и свободы человека как высшей цели и ценности государства, оптимальный баланс интересов общества, гражданина и государства на основе добра, равенства и справедливости». Ведь положения Конституции служат не только правовым, но и политическим, социальным, нравственным

ориентиром. Конституция Республики Беларусь является достижением и достоянием всех государственных органов, должностных лиц и граждан.

Согласно п. 2 Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июня 2008 г. № 14 по поручению Главы государства судьи Конституционного Суда проводят проверку конституционности определенных направлений нормотворческой деятельности и правоприменительной практики судов, правоохранительных и иных государственных органов. При этом в указанном Декрете не определены критерии конституционности, что позволяет сделать вывод об использовании критериев, содержащихся в ч. 7 ст. 24 Кодекса.

Утративший силу Закон Российской Федерации «О Конституционном Суде РСФСР» от 6 мая 1991 г. в ст. 66 устанавливал следующие критерии конституционности правоприменительной практики по индивидуальным жалобам: неприменение нормативного акта, подлежащего применению по смыслу Конституции; применение нормативного акта, не подлежащего применению по смыслу Конституции; не соответствующего Конституции истолкования нормативного акта при его применении; неприменения соответствующей нормы Конституции, когда она может применяться непосредственно [27]. Вместе с тем в случае проверки, например, конституционности практики правоохранительного органа может возникнуть необходимость в дополнительном критерии конституционности. В частности, в таком, как соответствие правового акта положению о том или ином государственном органе. Однако в самом положении порой одна из основных конституционных задач – защита жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан, обеспечение их личной и имущественной безопасности – может не занимать первое место, как, например, в Положении о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь, хотя для органов внутренних дел она является приоритетной, первой задачей, стоит на первом месте в Законе «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (ст. 2). Возникает вопрос: как в таком случае определять конституционность практики государственного органа?

В рамках полномочий, закрепленных в законодательных актах, положении о республиканском органе государственного управления, последний, действуя самостоятельно в условиях усмотрения, принимает целесообразные правовые решения. Мера целесообразности в

правотворческой и правоприменительной деятельности органа государственного управления, должностного лица определяется прежде всего Конституцией, законами, декретами и указами Президента Республики Беларусь, что позволяет вести речь о конституционной или неконституционной целесообразности ряда их решений.

Конституционный Суд в ежегодных посланиях о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь неоднократно указывал на неконституционность пробелов в правовом регулировании, исключающих должную реализацию гражданами своих прав, что свидетельствует о пассивности государственных органов и должностных лиц в принятии необходимых мер для осуществления и защиты прав и свобод личности, ненадлежащем выполнении ими требований ст. 59 Конституции. В этом случае при определенных условиях также можно ставить вопрос о неконституционности практики государственного органа.

Список использованных источников

1. *Пряхина, Т. М.* Конституция и конституционность: диалектика взаимодействия / Т. М. Пряхина // Право и политика. – 2001. – № 9. – С. 13–18.
2. Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: сб. нормат. актов / Центр публ. права при Межпарламентской Ассамблее государств – участников СНГ; отв. ред. Н. А. Митюков; сост. В. К. Боброва [и др.]. – М.: Зерцало, 1998. – X, 786, [1] с.
3. Конституция Российской Федерации. – СПб.: Альфа, 1996. – 63 с.
4. *Даниленко, Д. В.* Современная форма правления во Франции и конституционная реформа от 23 июля 2008 года / Д. В. Даниленко // Право и политика. – 2008. – № 12. – С. 2865–2870.
5. О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности: Указ Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 92. – 1/4856.
6. *Сильвестрова, Е. В.* Lex generalis. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н. э. / Е. В. Сильвестрова. – М.: Индик, 2007. – 246 с.
7. *Сухарева, О. О.* Принцип правовой определенности в системе ценностей и принципов, установленной Конституцией Испании 1978 г. / О. О. Сухарева // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 16. – С. 36–40.
8. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2005. – № 188. – 2/1157.

9. *Витрук, Н. В.* Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: учеб. пособие / Н. В. Витрук. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. – 383 с.

10. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

11. *Хабриева, Т. Я.* Конституция как основа законности в Российской Федерации / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2009. – № 3. – С. 3–11.

12. *Кутафин, О. Е.* Российский конституционализм / О. Е. Кутафин. – М.: Норма, 2008. – 544 с.

13. *Пляхимович, И. И.* Основы конституционного строя: теория института / И. И. Пляхимович. – Минск: Право и экономика, 2008. – 150, [2] с.

14. *Маунц, Т.* Государственное право Германии (ФРГ и ГДР) / Т. Маунц. – М.: Иностр. лит., 1959. – 596 с.

15. *Василевич, Г. А.* Комментарий к Закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» / Г. А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2006. – 464, [1] с.

16. *Марышкин, А. В.* О понятии конституционной законности в Республике Беларусь / А. В. Марышкин // Утверждение принципов правового демократического государства в Республике Беларусь посредством конституционного контроля (Минск, 26–27 июня 2003 г.). – Минск, 2003. – С. 67.

17. *Василевич, Г. А.* Развитие национальной правовой системы Беларуси в контексте европейского правового пространства: тенденции, проблемы, перспективы / Г. А. Василевич // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы: в 2 т. – Т. 2: Проблемы унификации законодательства в Содружестве Независимых Государств и Европейском Союзе: сб. науч. тр. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – С. 3–12.

18. *Пряхина, Т. М.* Конституционность в системе принципов права / Т. М. Пряхина // Современное право. – 2004. – № 10. – С. 45–50.

19. Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии. – М.: Юрид. лит., 1975. – 191 с.

20. *Орзих, М. Ф.* Правовая охрана конституции в социалистическом государстве / М. Ф. Орзих, М. Е. Черкес, А. С. Васильев // Советское государство и право. – 1988. – № 6. – С. 3–10.

21. *Витрук, Н. В.* Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.). Очерки теории и практики / Н. В. Витрук. – М.: Городец-издат, 2001. – 507, [1] с.

22. *Мосин, С. А.* Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации / С. А. Мосин. – М.: Юстицинформ, 2009. – 112 с.

23. *Четвернин, В. А.* Демократическое конституционное государство: введение в теорию / В. А. Четвернин; Рос. АН, Ин-т государства и права. – М.: ИГПАН, 1993. – 142 с.

24. *Малюшин, А. А.* Конституционность, ее выявление и реализация / А. А. Малюшин // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 17. – С. 6–8.

25. Конституция, закон, подзаконный акт / И. В. Котелевская [и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М.: Юрид. лит., 1994. – 135 с.

26. *Гаскарова, М. Л.* Концепция достоинства человека в немецком конституционном праве / М. Л. Гаскарова // Журнал российского права. – 2002. – № 4. – С. 154–162.

27. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 19. – Ст. 621.